

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.30>

Попов Дмитрий Владимирович

Политическое молчание: формы, значение, пути инклюзии в политическую речь

Цель исследования заключается в экспликации фигур молчания в отношении политического означающего в терминологии философии, риторики, психологии и психиатрии. Молчание - этот порядок намеренного прерывания речи - олицетворяет диссоциацию политического. Речь, преодолевая политическую немому, порождает реципрокные отношения, согласуя интересы контрагентов. Речь в политике коррелирует с усложняющейся связанностью социальных акторов. Развитие государства может быть интерпретировано как торжество речи над молчанием. Движение от протогосударства через различные формы естественного государства ограниченного доступа к современному идеалу государства открытого доступа подтверждает необходимость распознавания политического молчания, артикуляции интересов и нахождения согласия через каскады компромиссов. В проведенном исследовании выявлены фигуры политического молчания. Показано значение политического молчания как маркера разрыва в политическом континууме. Продемонстрированы исторические пути инклюзии политического молчания в политическую речь. Научная новизна заключается в комплексном изучении молчания в политике в рамках философско-антропологического подхода с использованием потенциала терминологии, широко не применявшейся ранее к подобным явлениям. В результате обоснована необходимость преодоления политического молчания в ходе сознательно выстраиваемых практик согласования интересов социальных акторов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2020/8/30.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 8. С. 164-169. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2020/8/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2020.8.30>

Дата поступления рукописи: 27.06.2020

Цель исследования заключается в экспликации фигур молчания в отношении политического означающего в терминологии философии, риторики, психологии и психиатрии. Молчание – этот порядок намеренного прерывания речи – олицетворяет диссоциацию политического. Речь, преодолевая политическую немому, порождает реципрокные отношения, согласуя интересы контрагентов. Речь в политике коррелирует с усложняющейся связанностью социальных акторов. Развитие государства может быть интерпретировано как торжество речи над молчанием. Движение от протогосударства через различные формы естественного государства ограниченного доступа к современному идеалу государства открытого доступа подтверждает необходимость распознавания политического молчания, артикуляции интересов и нахождения согласия через каскады компромиссов. В проведенном исследовании выявлены фигуры политического молчания. Показано значение политического молчания как маркера разрыва в политическом континууме. Продемонстрированы исторические пути инклюзии политического молчания в политическую речь. **Научная новизна** заключается в комплексном изучении молчания в политике в рамках философско-антропологического подхода с использованием потенциала терминологии, широко не применявшейся ранее к подобным явлениям. **В результате** обоснована необходимость преодоления политического молчания в ходе сознательно выстраиваемых практик согласования интересов социальных акторов.

Ключевые слова и фразы: человек; политика; государство; молчание; биополитика; некрополитика; инклюзия.

Попов Дмитрий Владимирович, к. филос. н., доц.

Омская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации

DmitriVPopov@mail.ru

Политическое молчание: формы, значение, пути инклюзии в политическую речь

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена как широким распространением, так и разнообразием содержания политически значимого молчания. Отдифференциация фигур молчания необходима ввиду потенциала насилия, скрывающегося за неартикулированными требованиями социальных акторов. Для оценки роли молчания в отношении политического означающего необходимо решение следующих **задач**: во-первых, эксплицировать фигуры молчания; во-вторых, противопоставить политическое молчание политическому диалогу, изучив разность их потенциалов в масштабах социальных систем; в-третьих, обосновать необходимость торжества политической речи над политическим молчанием как торжества языка над насилием (П. Рикер). **Теоретической базой** работы являются исследования в области философской антропологии, рассматривающие социальные причины психотических и невротических феноменов (Г. Бейтсон, Р. Лэйнг, М. Фуко); исследовательская программа биополитики (М. Фуко, Дж. Агамбен, А. Мбембе); исследования в области экономической истории и экономической антропологии (Ф. Бродель, Дж. Арриги, Ч. Тилли, Д. Норт, Д. Уоллис, Б. Вайнгайт); политическая антропология (А. Бадью, Ж. Рансьер). Для решения поставленных задач в статье применяются **методы** герменевтики, дискурс-анализа М. Фуко, политическая эпистемология А. Бадью и Ж. Рансьера, а также экономический институционализм Д. Норта. Кроме того, в поле философско-антропологического дискурса используется терминология, заимствованная из исследований по психологии и психиатрии. Все вместе они составляют специфику подхода, применяемого в настоящей статье.

Практическая значимость работы заключается в обосновании преимущества конфирмантропной биополитики, направленной на установление гармоничных социальных отношений, преодолевающих расколы и диссоциации, неминуемые в обществах, пораженных политическим молчанием.

Политическое молчание: слово – серебро, молчание – золото?

Говорят люди о разном и по-разному, но и молчат столь же не единообразно. Отсутствие речи не означает отсутствие мысли. Более того, отсутствие речи, неартикулированность намерений и ценностей, стоящих за ними, в области политической жизни составляет особый, крайне важный предмет изучения. Нераспознанные вовремя фигуры молчания иногда оказываются фатальными. Говорящего можно понять и найти решение поставленной проблемы, молчащий подобен сфинксу, скрывающему тайны.

В первую очередь следует выделить самую трагическую форму молчания, характерную для обществ победоносного подавления, проводящих некрополитику (А. Мбембе), – *политическую немому*. Например, в рамках плантационного хозяйства эпохи колониализма «человечность раба предстает как совершенная фигура тени» [20]. Задача плантатора – построить экстралингвистическое пространство, в котором «нет грамматического единства речи для опосредования коммуникативного разума» [ibidem]. Это позволяет изолировать разноязыких рабов в карцере собственных тел, лишая их возможности сопротивления. Обитатели лагерей – доходяга-фитиль (А. Солженицын, В. Шаламов, Г. Жженов, Е. Глинка), *Häftling* (П. Леви) или *der Muselmann* (Дж. Агамбен) – столь же безропотны и бессловесны. Идеалом некровласти является врожденная («политическая алалия») (здесь и далее содержательная сторона понятий из психиатрии в приложении к предметной области статьи рассматривается на основании работы Ю. А. Антропова, А. Ю. Антропова и Н. Г. Незнанова [1]. – Д. П.)

или приобретенная («политическая афазия») неспособность артикулировать политические интересы. Состояние кататонии как предельная степень самоизоляции индивида (Р. Лэйнг) – желательная модель атомизации общества в рамках стратегии сознательного разобщения, намеренно лишаяющего средств политической коммуникации. Бегство в себя как последнее укрытие от тотального окружающего насилия – жест, по природе своей близкий наблюдаемому у ряда насекомых и животных танатозу (акинезу), выражающемуся в том, что они выдают себя за мертвых перед лицом опасности. Молчание здесь означает отчаяние. Однако разгул насилия конечен, некрополитика не способна стать долговременной стратегией, являясь формой аутофагии общества. Некровласть до поры до времени эффективно заставляет молчать, но это – предсмертное молчание самой некровласти.

Некровласть – вырожденная форма биовласти. Эфир современного политического пространства в основном пронизывают волны иных форм молчания. «Молчаливое большинство» (Ж. Бодрийяр; «глубинный народ» В. Суркова) в демократическом обществе осознано как проблема. «Молчание масс, безмолвие молчаливого большинства – вот единственная подлинная проблема современности. Существо нашей современности не заключено ни в борьбе классов, ни в неупорядоченном броуновском взаимодействии лишённых желания меньшинств – оно состоит именно в этом глухом, но неизбежном противостоянии молчаливого большинства навязываемой ему социальности» [5, с. 31]. Незрелость политической культуры участия или нежелательность таковой ведет к формированию суррогатов политической жизни – симулякров политической активности.

Уже на заре XX в. Э. Бернейс предлагал использовать пропаганду для конструирования общественного мнения. «Пропаганда – в широком значении организованной деятельности по распространению того или иного убеждения или доктрины – и есть механизм широкомасштабного внушения взглядов» [4, с. 17]. С тех пор многое изменилось. Новаторский для начала XX в. подход по конструированию политических взглядов стал обыденностью. Современные алгоритмы микротаргетирования и психометрии – наследники своих прямолинейных предшественников – активно обрабатывают сознание интернет-сидельцев – предсказанных еще Э. Тоффлером «электронных отшельников». Однако технологии формирования общественного мнения формируют совершенно разные формы молчания.

Если власти не присуща «политическая афония» и на основе услышанного на входе в политическую систему (Г. Алмонд, Д. Истон) оперативно и эффективно принимаются политические решения на выходе из нее, то молчание может быть одобрительным. Организованный в масштабах общества «перманентный плебисцит» (Ю. Хабермас) исключает замалчивание общественных проблем, становясь актуальным фактором пересборки социального. Одобрение политических процессов может выражаться в фигурах молчаливого согласия и восторженного приятия. *Молчаливое согласие* не экзальтировано, носит сдержанный характер. Если политический курс отвечает интересам населения, то молчание означает солидарность, поддержку проводимой политики. Чувство локтя, эмпатия – эмоциональный коррелят такого молчания. Режим молчаливого согласия предполагает консенсус и позволяет умеренно использовать возможности пропагандистской машины.

Восторженное приятие проводимой политики указывает на интенсивную работу пропаганды. «Немолсловность», умиление, «щелячий восторг» свидетельствуют о крайних формах эмоциональной вовлеченности, что указывает на наличие скрытой пары фобия/мания. Маниакальная активность в фабрикациях фейк-ньюс, нередко становящихся нагромождением лжи, скрывает фобии провала и разоблачения в своем бэкграунде. Предельная интенсификация пропаганды задействует формы персервераций (зависаний на определенных темах) и конфабуляций (выдумок различной степени неправдоподобности). Сверхэксплуатация машины создания мыслеобразов уводит в фантомную область онейроида (сновидного состояния сознания). Перегруженное когнитивно диссоциирующими образами поле смыслов сползает в логорею и даже шизофазию. Пропагандист из специалиста по связям с общественностью превращается в «шута-скомороха» (А. Мбембе). Как итог, насыщенный многословием дискурс превращается в свою противоположность – пустое пространство белого шума. Шизофреногенная ситуация говорения на всех языках одновременно, эксплуатируя пластичность общественного сознания, приводит к имплозии социальной коммуникации. Чрезмернословие формирует «страну глухих», ведет в пустыню реального (С. Жижек) и оборачивается немотой – за сконструированными образами более не слышен голос общества, интересы и проблемы людей скрыты за покрытой густым слоем граффити стеной молчания.

Пропаганда всегда балансирует на гребне волны, точно зная о различии между достоверной и ложной информацией. Подделка предполагает оригинал. Процедуры фактчекинга дезавуируют ложь для рационально мыслящей части населения. Нераспознанное неодобрение недоумевающего меньшинства принимает новые формы молчания. Все начинается с неловкости, смущения, стыда, вызванного циничным, непристойным действием власти, за которым не следует никакой реакции. Молчание возникает как шперрунг (блокировка, заклинивание). Его эволюция протекает в формах озадаченности, сомнения, интровертивной сосредоточенности – ступора, – выход из которого знаменует фазу дистанцирования, критики, отграничения. Молчание становится атрибутом речи. Возникает *культура умолчания* как особого диалекта, в котором органически уживается говорение на общепринятом политкорректном языке наряду с недомолвками и аллюзиями. Невозможность выразить мысль насыщает речь апозипопезами (намеренно используемыми умолчаниями) и эллипсисами (фигурами значимого обрыва). Молчание и есть эллипсис в предельной форме. Язык становится аллегорией, представляя систему метафор, транслирующих подлинное отношение к происходящему в модальностях – «прилипалах», дополняющих принятые формулы оценки действительности. Речь изобилует неудобоваримыми по форме, но глубокими по содержанию амфиболиями, инверсиями, силлеспсисами, анаколуфами и гипербатонами. Возникает юродивая речь-молчание, подобная практике неформальной группы «CIRCA» (The Clandestine Insurgent Rebel Clown Army), наиболее известной как «Повстанческая армия

клоунов», знаменитой своими акциями, в ходе которых «сборище нелепых клоунов, выстроившихся в нелепую фигуру... дает нам перспективу, из которой становится отлично заметным слепое пятно в отношениях власти» [10, с. 101]. Или, например, молчание-послание, такое, как акции «Немое стояние» (Египет), “Duran Adam” («стоящий человек» – Турция) – фигуры застывшего крика, артикулированные молчанием. Молчание превращает речь в шифр, требующий знания ключа дешифровки. Молчаливая часть общества все больше удаляется от власти, усугубляя ситуацию отсутствия политической коммуникации.

Крайней формой игнорируемого молчания становится крик. Беззаконию «противостоит только крик, взрыв или экстаз, мятеж или бегство того, что ускользает в теле от именуемого закона» [13, с. 261]. Крик – «голос, неуместный в бесконечной комбинаторике симуляций» [Там же, с. 257], – последний аргумент человеческой сущности, в отчаянии выражающей неприятие действительности. Молчаливый, *немой крик* предстает в демонстративной форме своеобразного социального психотического срыва, представляющего собой фигуру риторического восклицания как средства диалогизации монологической речи-молчания. Немой крик подобен рейду 4 июня 2004 г. М. Дж. Химейера на “KillDozer” в Грэнби, штат Колорадо, в ходе «войны Химейера» против компании “Mountain Park Concrete”, закончившемся разрушением тринадцати административных зданий и ущербу в 7 млн долларов.

«Молчаливое большинство – это не сущность и не социологическая реальность, это тень, отбрасываемая властью, разверзнувшаяся перед ней бездна, поглощающая её форма» [5, с. 58]. И дело не в гиперреальном конформизме и крайней степени пассивности молчаливых граждан, а в невнимательном и легкомысленном отношении к самому факту их молчания. Молчание должно стать самой исследуемой риторической фигурой политической жизни.

Политическая речь: молчание – серебро, слово – золото?

В век широкого распространения демократии глупо доказывать важность свободы слова и плюрализма мнений. «Говорящее большинство» – идеал активистской политической культуры. Выстроенная система коммуникации в пределах политической системы общества, включающая эффективную обратную связь между властью и населением, – верный путь определения актуальной социальной повестки и последовательного решения проблем. Вместе с тем, насколько бы хорошо ни были развиты демократические институты, всегда существует вероятность того, что голос не будет услышан. «Молчать» и «не слышать» столетиями органично дополняли друг друга в диалоге власти и населения. Приобретение привычки «не молчать» – столь же сложный процесс, как и формирование навыка «слышать». Конструктивный диалог власти и населения становится возможным, только если контрагенты осият каждый свою половину пути навстречу. Политика по своей природе полемична и заключает болезненный потенциал конфликта. А так уж устроен человек – *esse homo!* – что он стремится минимизировать стрессогенные факторы. Инерция и привычка обращают сигналы в шум. Молчание обнаруживает себя в сочетании вынужденного молчания и замалчивания в большинстве случаев, когда государство проводит последовательную негигантскую (человеконесоразмерную, человекоотрицающую) биополитику. Напротив, конфирмантропная (человекосоразмерная, человекоутверждающая) биополитика формирует политическую речь и политический слух.

Пространство политического дискретно и конституируется через разрывы. Как отмечает А. Бадью, «политика соприкасается с реальным в режиме разрыва, а не в режиме собирания... политика является активной интерпретирующей мыслью, а не принятием какой-то власти» [3, с. 16]. Дискретность, прерывистость – атрибут политического. «Сущностью политики не является плюральность мнений. Сущность политики – предписание возможности через разрыв с тем, что наличествует» [Там же, с. 116]. Подобная особенность политического требует высокого уровня политической культуры и ответственности. Разрыв – всегда вызов, политика провокативна и энергозатратна. Всегда есть соблазн сгладить острые углы. Не услышать – замолчать – неудобное мнение может показаться выгодным. Но тогда возникает риск новой эксплозии. Спешно скрепленный политический континуум может столкнуться с более серьезными разрывами. Образование складок в топологической конфигурации политического континуума нередко требует спешной реакции во избежание радикальной трансформации.

Парадоксальная логика политического предполагает, что «политика существует постольку, поскольку народ – не раса и ненаселение, бедняки – не обездоленная часть населения, пролетарии – не группа промышленных трудящихся и т.д., но субъекты, вписывающие в приложение всякого подсчета частей общества особую фигуру учета неучтенных, или же доли обездоленных» [12, с. 208]. Учет неучтенных, артикулирующих свои требования о собственной доле обездоленных может быть произведен или не произведен. Разрыв может быть устранен или не замечен. В первом случае политический континуум претерпит трансформацию, но сохранит свою эластичность, во втором случае скрытое накопление разрывов усиливает тенденцию к дискретности политического. Момент говорения принципиально важен, поскольку «политический конфликт не противопоставляет группы, имеющие разные интересы. Он противопоставляет логики, по-разному учитывающие части сообщества» [Там же]. Быть услышанным означает, что во внимание принята альтернативная точка зрения, проанализированы предложенные аргументы, приняты политические решения и совершены определенные действия.

Именно настроенность политической системы на умение слышать, на учет мнения неучтенных придает политическому важное свойство пластичности – «разрывоустойчивости». «Пластичность означает работу времени, охватывающую систему, способ, которым система может трансформировать себя изнутри не рассыпаясь. Это – имманентная трансформируемость замкнутой тотальности» [7]. К. Малабу, проводя параллели между

нейропластичностью мозга и свойствами социальных систем, отмечает, что «пластичность прямо противоположна ригидности. Она – точный антоним последней. Термин “пластичность” обычно обозначает как раз податливость, приспособляемость, умение перестраиваться» [9]. Пластичность является важным эпигенетическим фактором в жизни людей, способствуя творческому преодолению проблем без сползания к ригидным и по сути контрпродуктивным формам капитуляции перед вызовами. В этом ключе Малабу интерпретирует взаимопомощь и кооперацию: «Политическая взаимозависимость сохраняет в себе что-то из этой биологической памяти. Взаимная помощь – это не только поддержка и солидарность; это самоуправление, кооперативная экономика, органический симбиоз или экологический биорегионализм» [7]. Пластичная политическая культура, говорящая и слышащая, гибкая и креативная, способна создавать «патчи», ликвидирующие разрывы. Политическая атмосфера «страны глухих» ведет к формированию дисфункциональной социальной ткани уродливых шрамов – «шрамов раздражения», о которых пел Е. Летов.

Отсутствие дискуссии ведет к соперничеству и вражде, поскольку зачастую «идентичность не предшествует конфликту, но, наоборот, порождается им» [18, с. 160]. Фрактальное воспроизводство разрывов как результат «бессистемной разметки насилием» (М. Ямпольский) ведет к имплозии политического и, в конечном итоге, социального. На примере «Эпидемии» Д. Буццати М. Ямпольский воспроизводит абсурдную логику искусственного разрыва, когда загадочный вирус государственного гриппа, поражающий только оппозиционеров, нелояльных к режиму, неожиданно разделяет в пространстве некоего однородного по составу Шифровального офиса политически лояльных и «сомнительных патриотов». «Буццати точно описывает ситуацию гомогенной среды, в которой нужно осуществить поляризацию ее членов на лояльных и нелояльных. Все служащие – в равной мере умные и скептические по отношению к власти люди. Но достаточно провести в этой среде совершенно нерациональный, случайный отбор, чтобы возникшая таким образом “абсурдная” группа приобрела черты некоторого различия и идентичности» [Там же]. Стоит только заняться поиском точек разделения, как возникают ситуативно оправданные формы обособления, отделения, эксклюзии, ведущие к утрате целостности и, в худшем случае, губельному распаду.

Значение говорения и слушания (слышания) в политике высоко оценивалось уже в античности. Трагические судьбы Сократа и Цицерона – вечное напоминание о том, что случается, если одна из сторон избирательно глуха к аргументам оппонента.

Однако история человечества демонстрирует, что необходимость договариваться, безусловно, превалирует над желанием не услышать. Крайне поучительны выводы английских средневековых юристов, отчеканивших в слове суть уникальной английской концепции суверенитета – «Король в Совете и в Парламенте» [6, с. 482]. Для тюдоровских юристов «великое публичное тело Англии находится там, где находится сам король, его двор и его совет. Иначе говоря, политическое, мистическое или публичное тело Англии определялось не только королем (т.е. одной главой), но королем вместе с советом и парламентом» [Там же, с. 325-326]. Необходимость диалога Короля и Парламента прямоком привела к парадоксальному лозунгу пуритан: «Сражаться против короля, чтобы защитить Короля!» [Там же, с. 91]. То есть в том числе «собирать именем и властью Карла I как политического тела Короля армию, которой предстояло сражаться против того же Карла I, но как природного тела короля» [Там же, с. 89]. Король как имя длительности в качестве главы и правителя народа не умирает никогда, но, будучи категорией темпоральной, он онтологизируется и деперсонифицируется, утрачивая черты патриархального отца и приобретая статус сложноорганизованной системы управления, включающей множество лиц, заинтересованных в согласии между собой.

Внешнеполитический и внутривнутриполитический баланс сил, столь необходимый для выживания государств, последовательно принуждал к необходимости слышать оппонентов. Предложенная Д. Нортон и соавторами идея двойного баланса (политического и экономического), создающая прочную институциональную систему гарантий для постепенно расширяющегося круга лиц – от господствующей коалиции через элиты к большинству населения, – в перспективе неуклонно увеличивала возможности людей и уменьшала уровень насилия. В конечном итоге «идея двойного баланса предполагает не только обязательное существование во всех социальных системах внутреннего баланса интересов, но также и существование во всех политических, экономических, культурных, социальных и военных системах совместимых систем стимулов, необходимых для сохранения стабильности общества» [11, с. 67]. Именно учет взаимных интересов – фактор, воспринимаемый вынужденно, неохотно, но во все возрастающем значении – обусловил движение от хрупкого через базисное к зрелому естественному государству ограниченного доступа, однажды преодолевшего порог и достигшего открытого доступа. Как итог, сформировалась модель открытого доступа с характерными для нее «сильным и динамичным гражданским обществом с большим числом организаций... более крупными и более децентрализованными правительствами... широким распространением безличных социальных взаимоотношений, включая верховенство права, защиту права собственности, справедливость и равенство – все аспекты равноправия» [Там же, с. 52-54].

Даже необходимость вести войны вела к выстраиванию баланса между принуждением, олицетворяемым властью, и капиталом, находящимся в руках формировавшегося зажиточного класса. «Война была пряхой, из рук которой вышел клубок европейских национальных государств, а их внутренняя структура сложилась в результате подготовки к войне» [14, с. 121]. Принуждение не могло бесконечно опираться на силовое изъятие ресурсов, да и стратегия изъятия (дани, ренты, подати) оказалась менее эффективной, нежели договор с капиталом (налог, заём, предоставление привилегий и преимуществ). В конечном итоге подготовка к войне способствовала развитию необходимых государственных институтов, успешно послуживших в дальнейшем в мирных целях. «Правители волей-неволей обращались к некоторым видам деятельности сначала как к побочному продукту войны, а затем эта деятельность и возникавшие организации развивались самостоятельно, таковы были суды, казначейства, системы налогообложения, региональные администрации, общественные

собрания и многое другое» [Там же, с. 119-120]. Именно в рамках стремления европейских государств к самоусилению возникает биополитика, в процессе осуществления которой регулирование населения привело к мониторингу трудовых конфликтов и условий труда, введению национальных систем образования, организации помощи бедным и инвалидам, строительству и поддержанию линий коммуникации, установлению тарифов, выгодных национальному производству, реализации иных задач, которые теперь представляются европейцам неотъемлемыми атрибутами государственной власти. «Сфера деятельности государства значительно расширяется за пределы вопросов собственно вооруженных сил, и граждане теперь ждут от него самой широкой защиты, разрешения споров, производства и распределения. По мере того как национальная законодательная власть расширяет сферу деятельности, помимо установления налогов, к ней самой начинают предъявлять требования все хорошо организованные группы, чьи интересы может задевать или действительно задевает государство» [Там же, с. 173].

Конкуренция на экономическом поприще заставила государства искать оптимальные формы организации политической власти и экономических институтов, что способствовало формированию уникальных для своего времени политико-правовых и социально-экономических систем, становившихся экономическими лидерами своего времени. Венецианская республика, Генуэзская республика, Республика Соединенных провинций, Англия, США создали уникальные в своей конфигурации политико-экономические системы, обеспечившие им на определенный промежуток панъевропейское и даже мировое экономическое лидерство. Дж. Арриги, смоделировавший эволюцию командных высот капитализма по пути Венеция – Генуя – Амстердам – Лондон – Нью-Йорк, показал, за счет каких механизмов каждый из лидеров добивался успеха в рамках собственной уникальной стратегии, запускавшей новый системный цикл накопления капитала. Каждый раз стратегия оказывалась все более развернутой, а элементы политико-экономических систем – все более связанными и согласованными. Процесс все еще не достиг терминальной стадии. «По утверждению Пиренна, каждый переход к новой стадии капиталистического развития был связан со сменой руководства в процессах мирового накопления капитала. И, как заметил Бродель, каждая смена караула у командных высот капиталистического мира-экономики отражала “победу” “нового” региона над “старым”. Пока неясно, наблюдаем ли мы смену караула у командных высот капиталистического мира экономики и начало новой стадии капиталистического развития. Но замена “старого” региона (Северная Америка) “новым” (Восточная Азия) в качестве наиболее динамичного центра процессов накопления капитала в мировом масштабе стала уже реальностью» [2, с. 418].

Возможно, мир вступил в такую фазу развития, когда бремя экономического лидерства более не может иметь государственной принадлежности, а необходимость говорить и слышать стала трансграничной. Поиск связанности, обеспечивающей динамичное развитие сегодня, ведет в мир функциональной географии современного мира, ставшего коннектографичным. «Конкурентная связанность – это гонка вооружений XXI века» [15, с. 16]. Преодоление разрывов в ходе пластичной трансформации превращается в насущную необходимость. «Связанность – ключевой фактор глубинного перехода к более сложной глобальной системе. Экономике более интегрированы, население более мобильно, киберпространство сливается с физической реальностью, а изменения климата вносят коррективы в наш образ жизни... И хотя связанность делает мир более сложным и непредсказуемым, одновременно она создает основу для его устойчивости» [Там же, с. 9]. Утверждая наступление эпохи гиперглобализации, П. Ханна провозглашает: «Общеизвестное изречение “География – это судьба” теряет актуальность... у будущего появится новый афоризм: “Связанность – это судьба”» [Там же, с. 16]. Человечество неуклонно движется по пути поиска согласия от ойкоса (*oikos* – семья, домохозяйство), деспотически (*δεσποτής* – глава семьи) [19, с. 11-12] и молчаливо управляемого патриархом, минуя мозаику государственных форм, к сложному синтезу государств, городов, союзов, сообществ, корпораций, в совокупности обозначенных П. Ханной как “5C” (Countries, Cities, Commonwealths, Communities, Companies) [15].

Заключение. Слова, слова, слова?

«На заре третьего тысячелетия человечество стряхнуло с себя остатки сна и сделало удивительное открытие. Об этом мало кто задумывается, но в последние несколько десятилетий голод, мор и войну удалось обуздать. Полностью, конечно, эти напасти не побеждены, но из непостижимых и неконтролируемых явлений природы их удалось превратить в вызовы, поддающиеся контролю» [16, с. 8]. Действительно, Холодная война не пошла по пути своих предшественниц. Ужасы Второй мировой войны далеко в прошлом. Но так ли уж благополучно человечество, все ли услышаны? Есть основания полагать, что не все разрывы ликвидируются, пластичность политического пространства не возоблала над ригидностью.

В данном случае риторические вопросы актуализируют проблематику соотношения политического молчания и политической речи в настоящий момент времени и тем самым позволяют заострить внимание на нерешенности данной проблемы.

Пандемия коронавирусной инфекции неожиданно вернула призраков прошлого. Новая болезнь явилась отголоском моров. Тревожные сообщения и распространение стай саранчи на территории от Восточной Африки до Индии наряду с напряженным ожиданием экономического спада напомнили о голоде. Беспорядки в наиболее благополучных регионах мира – Северной Америке и Европе – конечно, не катастрофа, но свидетельство о существовании радикальных взглядов, замалчиваемых проблемах и наличии голосов неучтенных и долей обездоленных (даже если это иллюзии [17]). Гротескные никуда не движущиеся многокилометровые очереди, имитирующие сбор подписей за оппозиционных кандидатов в Президенты в городах Беларуси накануне выборов, – прямое продолжение подобных молчаливых акций протеста в Египте и Турции. Торговые войны США, Китая и Евросоюза, обострение отношений в приграничье ядерных держав Индии и Китая –

свидетельства хрупкости достижений. Связанность гиперглобализации не устранила всех разрывов, молчание во всех его формах – по-прежнему актуальная риторическая фигура политики. По-видимому, не все важнейшие тома Вавилонской библиотеки найдены, прочтены и даже написаны. История о строительстве Вавилонской башни все еще актуальна. Человечество подобно Билли Миллигану [8] – подступая к порогу «вечного мира», оно вновь и вновь рискует диссоциироваться.

Выводы. Таким образом, в рамках проведенного исследования выявлены основные фигуры политического молчания: политическая немота, молчаливое согласие, культура умолчания, немой крик. В ходе рассмотрения политики как явления определено значение разрывов в политическом дискурсе, по отношению к которым политическое молчание играет роль маркера. Обосновано преимущество пластичности политического пространства над ригидными формами эксклюзии политических акторов, лишенных права голоса. На примерах политических и экономических институтов показано, что инклюзия политического молчания в политическую речь, представление слова социальным группам способствуют интеграции общества в ходе поступательного развития. В исследовании доказано, что политическое молчание предстает как особая фигура политической речи.

Список источников

1. Антропов Ю. А., Антропов А. Ю., Незнанов Н. Г. Основы диагностики психических расстройств: руководство для врачей. М.: ГЭОТАР-Медиа, 2010. 384 с.
2. Арриги Дж. Долгий двадцатый век: деньги, власть и истоки нашего времени / пер. с англ. А. Смирнова и Н. Эдельмана. М.: Территория будущего, 2006. 472 с.
3. Бадью А. Метаполитика: можно ли мыслить политику? Краткий трактат по метаполитике / пер. с фр. Б. Скуратов, К. Голубович. М.: Логос, 2005. 240 с.
4. Бернейс Э. Пропаганда / пер. с англ. И. Ющенко. М.: Hippo Publishing, 2010. 176 с.
5. Бодрийяр Ж. В тени молчаливого большинства, или Конец социального. Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2000. 108 с.
6. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. Изд-е 2-е / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серединой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
7. Катрин Малабу: Пластичность и анархизм [Электронный ресурс]. URL: <http://s357a.blogspot.com/2017/08/blog-post.html> (дата обращения: 21.06.2020).
8. Киз Д. Множественные умы Билли Миллигана / пер. с англ. А. Бойкова, А. Костровой. М. – СПб.: Эксмо; Домино, 2002. 512 с.
9. Малабу К. Пластичность и гибкость, за сознание мозга [Электронный ресурс]. URL: <https://syg.ma/@sigma/katrin-malabu-plastichnost-i-ghibkost-za-soznaniie-mozgha> (дата обращения: 21.06.2020).
10. Модер Г. Чему Альтгюссер может научить нас об уличном театре – и наоборот // Стасис. 2014. Т. 2. № 1. С. 92-104.
11. Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2011. 480 с.
12. Рансьер Ж. На краю политического / пер. с фр. Б. М. Скуратова. М.: Праксис, 2006. 240 с.
13. Серто М. де. Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. Кн. 1. Искусство делать. 330 с.
14. Тилли Ч. Принуждение, капитал и европейские государства. 990-1992 гг. / пер. с англ. Т. Б. Менской. М.: Территория будущего, 2009. 328 с.
15. Ханна П. Коннектография. Будущее глобальной цивилизации. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2019. 660 с.
16. Харари Ю. Н. Homo Deus. Краткая история будущего / пер. с англ. А. Андреева. М.: Синдбад, 2018. 496 с.
17. Хоровиц Д. Черные жизни – это только предлог [Электронный ресурс]. URL: <https://aillarionov.livejournal.com/1186414.html> (дата обращения: 21.06.2020).
18. Ямпольский М. Парк культуры: культура и насилие в Москве сегодня. М.: Новое издательство, 2018. 222 с.
19. Яркеев А. В. Древнегреческие истоки современной биополитики // Политика. 2020. № 2 (97). С. 7-21.
20. Mbembe A. Provisional Notes on the Postcolony [Электронный ресурс]. URL: <https://studentportalen.uu.se/uusp-filearea-tool/download.action?nodeId=1427873&toolAttachmentId=288520> (дата обращения: 05.06.2020).

Political Silence: Forms, Meaning, Ways of Inclusion in Political Speech

Popov Dmitry Vladimirovich, PhD

Omsk Academy of the Russian Ministry of Internal Affairs
DmitriVPopov@mail.ru

The paper aims to explicate figures of silence in relation to the political signifier in terms of philosophy, rhetoric, psychology and psychiatry. Silence – deliberate interruption of speech – means dissociation of the political. Speech, overcoming political dumbness, forms reciprocal relations, reconciling counteragents' interests. In politics, speech correlates with complicated interrelatedness of social actors. The state development can be interpreted as triumph of speech over silence. Evolution from the proto-state through different forms of the natural non-transparent state towards the modern ideal of the transparent state justifies the necessity to recognize political silence, to articulate political interests and to find compromises. The author identifies figures of political silence, reveals meaning of political silence as a marker of a break in political continuity, and describes traditional ways to include political silence in political speech. Scientific originality of the study involves a comprehensive analysis of political silence within the framework of the philosophical-anthropological approach and on the basis of terminology, which has not been previously used in this research area. The findings are as follows: the author justifies the necessity to overcome political silence adopting conscious practices of conciliation of social actors' interests.

Key words and phrases: human being; politics; state; silence; biopolitics; necropolitics; inclusion.